

1. *Grey (mass noun)* means grey colour or pigment.

He will wear more earthy tones such as brown, and of course, black, white and grey. (Oxford Dictionary)

2. *Grey means grey clothes or material.*

A man wearing a smart but casual suit of light grey sat behind one of the largest desks that Jasmine had ever seen. (Oxford Dictionary)

3. *Grey means grey hair.*

That was the first time I noticed the streaks of grey in his dark hair. (Oxford Dictionary)

4. *Grey means a grey thing or animal, in particular a grey or white horse.*

The four greys are both carriage and riding horses – Heloise, Marta, Tayten, and Nerid. (Oxford Dictionary)

5. *Grey is the colour that is a mixture of black and white, the colour of rain cloud.*

Overhead a seagull circled the treetops, pale feathers shining against the dark grey of a flat sky. (Cambridge Dictionary)

6. *The Grey (often initial capital letter)* is a member of the Confederate army in the American Civil War or the army itself.

• Адвербиализация:

1. *Greyly* means lacking cheer or brightness in mood, outlook, style, or flavor. (Oxford Dictionary)

2. *Greyly* means dull in color. (Oxford Dictionary)

Характерным послелогом для образования фразового глагола с прилагательным *grey* является послелог *out*, имеет следующее значение:

To grey something out is when a part of a computer screen has been greyed out, the writing in it appears in a dull colour in order to show that you cannot use it.

I cannot access any of the background images in the desktop background options... they are all greyed out. (Oxford Dictionary)

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что при образовании других частей речи от прилагательного *grey* 'серый' самым продуктивным способом образования оказалась конверсия. Также стоит подчеркнуть, что от данного прилагательного не образуются глаголы путем аффиксации и словосложения.

И. В. Дмитриева, Г. Б. Жураева

СЕМАНТИКА УГРОЗЫ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Угроза как речевое действие изучается, в основном, в терминах теории речевых актов. И хотя далеко не все номенклатуры речевых актов включают речевой акт угрозы, он выделяется в классификациях Г. Г. Почепцова и Дж. Лича.

Считается, что угроза является принципиально неперформативным речевым актом. Поэтому в лингвопрагматике основное внимание уделяется изучению тактик и стратегий угрозы. Гиперо-гипонимические отношения могут выстраиваться по-разному. Например, угроза может рассматриваться как разновидность конфликта наряду с проклятиями, обвинениями и другими ликоущемляющими речевыми актами. Она сама по себе может рассматриваться как стратегия, реализуемая посредством различных тактик.

Другим направлением исследования языковой реализации угрозы является изучение функционально-семантического поля угрозы, в котором объектом анализа выступают различные языковые, как правило, лексические, средства выражения угрозы.

Ранее на материале английского языка было показано, что угроза является сложным речевым актом, в состав которого входят две иллокутивные силы: комиссив и директив. Комиссив описывает возможные действия адресанта, директив – требуемые адресантом действия адресата. Например, в *I shall hit you if you move* первая часть *I shall hit you* является комиссивом, в котором говорящий берет на себя обязательства выполнить нежелательные для адресата действия, а придаточное предложение условия *if you move* является вербализацией директива. Причем понимание директивной составляющей требует применения операции логического отрицания к вербализованной структуре, т.е. требуемое от адресата действие есть *do not move*. Обе составляющие находят свое представление в дефинициях соответствующего глагола английского языка *threaten*: «to say that you will cause someone harm or trouble (комиссив) if they do not do what you want (директив)» (Longman English Dictionary), «to say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. (комиссив) if you do not get what you want (директив)» (Oxford Learner's Dictionaries). Такая структура была признана канонической моделью менасива и рассматривалась как некая универсалия, не зависящая от конкретного языка.

Однако дальнейшее сопоставление содержания категории угрозы в английском и русском языках показало отсутствие полного изоморфизма понимания угрозы в рамках национально-языковых картин мира. Включение в анализ большего количества языков (и не только европейских) позволит выявить универсальные и национально-специфические характеристики категории угрозы, в том числе зависящие от типа лингвокультуры.

Представляемый раздел исследования включает сопоставление единиц со значением угрозы в туркменском и ряде европейских языков, прежде всего русском и английском.

В трех основных для анализа языках отмечается определенная корреляция количественного состава лексических единиц со значением угрозы (на данном этапе в анализ включены глаголы как имена действия). Так, в русском языке можно говорить о 4-х основных глаголах (*угрожать*, *грозить(ся)*, *пугать*, *устрашать*), в английском представлено три основных глагола со значением угрозы (*threaten*, *menace*, *endanger*), в туркменском языке также имеется три глагола со значением «угрожать»: *howp salmak* – ‘угрожать’, *gorkuzmak* – ‘пугать’ и *haybat atmak* – ‘грозить, угрожать’.

Анализ словарных статей этих глаголов показал некоторые национально-языковые отличия в концептуализации угрозы. В Словаре русского языка С. И. Ожегова глагол *угрожать* имеет следующую словарную дефиницию: «произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-то; предупреждать с угрозой о чем-то». Существительное *угроза*, включенное в дефиницию, толкуется как «запугивание, обещание причинить кому-н. вред, зло». Английский глагол *threaten* – «to say that you will cause someone harm or trouble if they do not do what you want» (Longman English Dictionary). Туркменский глагол *howp salmak* ‘угрожать’ означает «Gorky, wehime salmak, gorkuly ýagdaý döretmek» ‘внушать панический страх, жуть, наводить / создавать пугающее состояние’, а глагол *haýbat atmak* ‘угрожать’ понимается как «Dazarylyp birini gorkuzjak bolmak, abaý etmek» ‘пугать угрозами’.

Словарные дефиниции русского и английского глагола прямо указывают на то, что угроза есть речевой акт, т.е. акт говорения: «произносить угрозы...», «to say that ...». В туркменской дефиниции речеактовый характер угрозы не прослеживается. На первый план выходит воздействующий компонент угрозы: «внушать страх», «пугать угрозами». Для сравнения интересно сопоставление с дефинициями в других европейских языках. Так, в шведской словарной дефиниции способы того, как может быть выражена угроза, несколько расширены и конкретизированы: «med ord l. åtbörder» – ‘словом либо жестом объявлять’. Такое толкование предъясвляет угрозу как коммуникативный акт, который не сводится к вербализованному речевому акту. Во французском языке вообще отсутствует фиксация речеактового характера угрозы, определение сразу указывает на воздействие путем запугивания: «chercher á intimider» – ‘пытаться запугать’.

Отличия прослеживаются также в степени отражения ожидаемого перлокутивного эффекта угрозы в словарных дефинициях. Исследователи прагматики речевого акта угрозы единодушно признают за ним средство воздействия говорящего на адресата с целью изменения поступков или эмоционального состояния последнего путем апелляции к чувству страха разной интенсивности. Прагматическая цель менасива – добиться от адресата какого-либо действия или бездействия, в то время как семантическое ядро – обещание причинить вред адресату. Эти два компонента реализуются в двух составляющих менасива: директивной и комиссивной.

Дефиниции соответствующих глаголов английского языка эксплицируют обе составляющие менасива: и обещание причинить вред (комиссив), и указание на определенные условия, при которых можно избежать нанесения ущерба адресату (*if...*). Угроза в русском языке понимается как обещание причинить какое-то зло адресату без конкретного указания на то, что от него требуется, прагматическая цель предстает несколько размытой («...добиваясь чего-либо») и не связывается непосредственно с действиями адресата. В туркменском языке в понимание угрозы включается, в первую очередь, воздействующая составляющая («внушать панический страх»),

адресант ожидает скорее психоэмоциональной реакции адресанта, чем какого-либо его действия. Интересно, что и во французской дефиниции проявляется психоэмоциональная составляющая менасива, но не адресанта, а самого адресата («... on mark à qqn sa colère» – ‘показывает кому-либо свой гнев’).

Таким образом, можно утверждать, что из проанализированных языковых трактовок угрозы только в английском языке прагматическая составляющая, директив, выводится на поверхность языкового сознания носителей языков. Она предполагает некоторый паритет участников коммуникативной ситуации угрозы. Адресат может предпринять какие-то действия, чтобы избежать негативного воздействия со стороны адресата. В русском языке угроза предстает как выражение агрессии и / или негативных эмоций говорящего и фокусируется на семантической составляющей менасива. А в туркменском языке угроза выступает как ненормативное инициативное речевое действие, она направлена на формирование определенного психоэмоционального состояния адресата, а не на его поступки или поведение.

И. В. Дмитриева, Е. Н. Базылева

ОСОБЕННОСТИ ЮВЕНАЛЬНОГО КОНФЛИКТИВА

В большинстве толковых словарей под конфликтом (от лат. *conflictus* ‘столкновение’) понимают ситуацию, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов. В результате такого столкновения одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (будь то физически, или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника.

В лингвистике речевое поведение, языковая реализация участников конфликтной ситуации получила название речевого акта конфликта. Хотя конфликтив выделяется как самостоятельный речевой акт далеко не во всех номенклатурах речевых актов, существует уже много конкретно-языковых и общегуманитарных исследований конфликтивов, при этом еще не все аспекты этого явления получили свое описание. В качестве источника материала исследований чаще всего избирается сфера институционального, в основном политического, дискурса, публичной речи или сфера межличностного общения. Но в обоих случаях участниками анализируемых речевых действий и описываемых конфликтных ситуаций становятся взрослые люди. Как следствие представляется интересным рассмотреть возрастной аспект конфликтива и, в частности, сопоставить языковые особенности ювенального и возрастного конфликтива.

В описываемом исследовании предпринимается попытка контрастивно-сопоставительного анализа языковых средств выражения ювенального и возрастного конфликтива. Материалом для анализа послужили два произведе-